

УДК 343.13

А. В. КОВАЛЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье на основе исторического анализа источников уголовно-процессуального права рассмотрено зарождение, возникновение и развитие процессуального порядка возбуждения уголовного дела, показана преемственность составляющих его норм с 1529 года до наших дней. Историю нормативного регулирования института возбуждения уголовного дела в Беларуси автор разделяет на четыре этапа. В предложенной периодизации становления и развития исследуемого института приняты во внимание социальные системы и условия, которые оказывали влияние на состояние уголовно-процессуального права в целом и института возбуждения уголовного дела как его части.

A. V. KOVALYOV

HISTORICAL STAGES OF ORIGIN AND DEVELOPMENT OF A PROCEDURAL ORDER OF INITIATION OF LEGAL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

In the article, based on a historical analysis of the sources of the criminal procedural law, the origin, emergence and development of the procedural order of initiating a criminal case is considered, the continuity of its constituent norms is shown from 1529 up to the present day. The author shares the history of normative regulation of the institution of criminal proceedings in Belarus in four stages. In the proposed periodization of the formation and development of the institution under consideration, those social systems and conditions that influenced the state of criminal procedural law in general and, as part of it, the institute for instituting criminal proceedings, were taken into account.

КОВАЛЕВ

Андрей Владимирович

адъюнкт научно-педагогического факультета «Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь», подполковник милиции

Введение

Современный процессуальный порядок возбуждения уголовного дела сформировался не одномоментно. Среди российских и белорусских ученых в определении истоков и исторической периодизации зарождения и развития института возбуждения уголовного дела имеются разнополярные мнения. Так, по словам А. И. Шведа, «исток правового обеспечения стадии возбуждения уголовного дела как начального этапа досудебного производства были заложены в законодательстве дореволюционной России, БССР и СССР...». Первоисточником признается Устав уголовного судопроизводства 1864 года (далее – Устав) [17, с. 15]. В свою очередь, В. В. Артёмова связывает появление первых норм, входящих в институт возбуждения уголовного дела, с принятием Свода законов Российской империи 1832 года (далее – Свод) и выделяет пять этапов его становления и развития: 1) с 1832 г. по 1917 г.; 2) с 1917 г. по 1922 г. 3) с 1922 г. по 1936 г.; 4) с 1936 г. по 1961 г.; 5) с 1961 г. по 2001 г., – сопоставляя их со временем действия определенных источников уголовно-процессуального права [1, с. 12–32]. Три этапа нормативного регулирования данного института на территории современной России устанавливает Р. С. Акперов: 1) досоветский этап; 2) советский этап; 3) постсоветский этап [2, с. 17].

Основная часть

В Беларуси институт возбуждения уголовного дела складывался самобытным путем, поэтому представленная периодизация не в полной мере применима для его характеристики в отечественном уголовном процессе. Кроме того, на территории современной Беларуси с XVI в. до начала XIX в. уголовно-процессуальное право регулировалось Статутами Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов, ряд положений которых послужил основой при создании указанных выше Свода законов и Устава.

Первые упоминания о возбуждении дела представляется возможным соотнести именно со временем принятия Статута Великого княжества Литовского 1529 года (далее – Статут 1529 г.), где сам термин «возбуждение дела» впервые в истории отечественного уголовного процесса был введен в оборот. Данное понятие в Статуте употреблялось не единожды, а прослеживается применительно ко всему содержанию документа. Так, в разд. 7 Статута 1529 г., именуемом «О земских насилиях, о побоях и об убийствах шляхтичей», в ст. 17 указывается: «... а истец, который возбудил дело о насилии...» или в ст. 24 упоминается: «... если бы кто-либо возбудил в суде дело о нанесении ему раны...» [11, с. 181, 183]. Введение столь значимой для теории уголовного процесса категории, просуществовавшей и активно используемой вплоть

до настоящего времени, явилось не единственным подтверждением исторической первостепенности Статута 1529 г. в зарождении института возбуждения уголовного дела.

В Статуте 1529 г. также использовано понятие такой неотъемлемой составляющей категории возбуждения уголовного дела, выраженное в современном понимании как «повод», в качестве которого выступало «искковое заявление». Следует отметить, что в Статутах не было разделения на гражданский и уголовный процессы, что объясняет существование в уголовном процессе некоторых терминов гражданско-правового характера, таких как «искковое заявление» и «кистец». Так, в ст. 14 разд. 6 «О судьях» указывалось: «Если бы кто-нибудь имел намерение вызвать другого в суд, то он должен в исковом заявлении изложить суть жалобы» [11, с. 172]. Таким образом, лицу, пострадавшему от преступления, достаточно было подать искковое заявление о совершенном преступлении непосредственно в суд, чем и инициировалось начало уголовного процесса.

Последующий Статут Великого княжества Литовского 1566 года в большей степени продублировал нормы предшествующего Статута 1529 г., поэтому дальнейшее развитие нормативного регулирования начального этапа уголовного производства последовало в Статуте Великого княжества Литовского 1588 года (далее – Статут 1588 г.). Как отмечали А. А. Данилевич и В. И. Самарин, уголовный процесс того времени в соответствии со ст. 2 разд. 11 Статута 1588 г. начинался с записи «гвалта и жалобы в книги врядовые гродские...» [4, с. 24]. Начало уголовного процесса обозначалось несколько иным термином – «начатие дела» (ст. 30 разд. 4). Поводом к началу дела выступала, как указывалось выше, «жалоба» (ст. 19 разд. 4). Бремя доказывания возлагалось на пострадавшего от преступления. В качестве предупредительной меры по недопущению ложной жалобы предусматривалась ответственность для жалобщика в виде денежного взыскания («навязки») (ст. 29 разд. 4).

В Статуте 1588 г. также усматривается и публичный порядок начала дел. Например, по делам об убийствах одного из супругов другим в случаях, когда родственники не желали привлекать к ответственности за содеянное виновное лицо, дело начиналось по инициативе вряда (руководящего аппарата ВКЛ): «...тогда вряд наш по своему долгу должен то дело вести...» (ст. 6 разд. 11).

Таким образом, Статутами ВКЛ 1529, 1566 и 1588 г. были введены в научный и практический оборот некоторые уголовно-процессуальные термины и понятия, а также заложены исходные положения, определяющие начало производства по уголовному делу, которые являются важной составляющей института возбуждения уголовного дела. В связи с этим первый этап, в котором прошло зарождение процессуального порядка возбуждения уголовного дела, следует связывать именно с периодом принятия вышеуказанных важнейших исторических нормативно-правовых источников.

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи и принятие Свода законов Российской империи 1832 года ознаменовали следующий этап в развитии нормативного регулирования начала досудебного произ-

водства. В своде начало уголовного процесса обозначалось упомянутым выше термином «начатие следствия», а также применен более конкретный термин, позволявший, в отличие от Статутов Великого княжества Литовского, разграничить гражданский и уголовный процессы – «уголовное дело» (ст. 820). В сравнении с предыдущим источником уголовно-процессуального права – Статутом 1588 г. – перечень поводов для возбуждения уголовного дела был значительно расширен, при этом сам термин «повод», применяемый в современном уголовном процессе, был закреплен законодательно. В соответствии со ст. 791 таковыми выступали извещение, жалоба, донос, доношения прокуроров и стряпчих, явка с повинной.

В своде впервые на законодательном уровне был поставлен вопрос об основаниях начала уголовного процесса. В соответствии со ст. 794 полиции при получении извещения о преступном деянии предписывалось проводить его проверку путем «распросов» (ст. 794) и, если таковое находилось «неосновательным», то запрещалось производство следствия «по наслышкам, без достаточных улик» (ст. 795 и 796). Причиной создания рассматриваемой нормы стало именно «извещение», которое как повод для начала следствия было недостаточно определенным. Под «извещением» понималось простое сообщение извещающего лица «об известных ему признаках учиненного преступления», а также «народный голос», «молва», «слух» о совершенном преступлении (ст. 796). Лицо, известившее полицию, не обязывалось к доказыванию факта события преступления и не подлежало ответственности в случае, если не будет установлено его совершение (ст. 793). Как видится, в данном случае проверка такого повода, как народный голос, молва и слух, с целью установления оснований для начала процесса было вполне логичным и необходимым.

Другие источники информации о преступлении – «донос», а также «доношения прокуроров и стряпчих» – предварительной проверке не подлежали, так как требовали при подаче указания «явных и точных доказательств» (ст. 802) или «сильных улик» (ст. 814). При этом в качестве процессуальной гарантии правдивости представленных доносителем сведений выступало «объявление о наказании за лживые доносы» (ст. 808).

Полиции разрешалось самостоятельно приступать к проведению следствия «по всякому сведению, дошедшему к ней, как о явном преступлении, так и о таких происшествиях, о которых без предварительного следствия нельзя заключить, случайно ли они учинились или по какому-либо умыслу» (ст. 792), что, по мнению В. В. Артёмовой, нередко влекло за собой его проведение безосновательно [1, с. 14]. К данной позиции следует отнести критически, так как анализ норм свода законов показывает, что положение, позволявшее полиции незамедлительно начать производство по уголовному делу по личной инициативе, выступало в большей степени правом, нежели ее обязанностью, и было направлено на своевременное предупреждение и пресечение преступлений в случаях их самостоятельного выявления и при отсутствии в данном случае одного из указанных выше поводов.

Подытоживая, можно сказать, что Свод законов как источник уголовно-процессуального права содержал

отдельные положения относительно начала производства по уголовному делу, которые послужили в дальнейшем развитию системы поводов и последующему формулированию оснований для возбуждения уголовного дела.

Судебная реформа, проводимая в Российской империи, в состав которой входили белорусские земли, отразилась в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. По Уставу досудебное производство выступало в двух формах: дознание, проведение которого допускалось только органами полиции (ст. 253), и предварительное следствие, проводившееся судебными следователями (ст. 249).

Предварительное следствие по Уставу могло быть начато только при наличии законного повода и достаточного основания (ст. 262). Поводами к началу следствия выступали: «1) объявления и жалобы частных лиц; 2) сообщения полиции, присутственных мест и должностных лиц; 3) явка с повинной; 4) возбуждение дела прокурором; 5) возбуждение дела по непосредственному усмотрению судебного следователя» (ст. 297).

Полицейское дознание представляло собой ограниченную сроком в одни сутки деятельность органов полиции по проверке повода и установлению оснований к началу предварительного следствия, а также лица, совершившего преступное деяние, и (или) производство некоторых неотложных следственных действий в исключительных случаях при соблюдении правил, установленных для производства предварительного следствия (ст. 259). Уставом не требовалось проведения проверок по всем без исключения сообщениям о преступлениях. По аналогии с нормами Свода проведение проверки информации о преступном деянии требовалось только в тех случаях, «когда признаки преступления или проступка сомнительны или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве) или вообще из источника не вполне достоверного» (ст. 253).

Дознание осуществлялось «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением», но без производства следственных действий (ст. 254) и, как верно отмечали А. А. Данилевич и В. И. Самарин, «такая проверочная деятельность органов дознания не подвергалась обширной регламентации в законе» [4, с. 24]. Отбрасывая каких-либо объяснений в письменном виде, что присуще нынешней форме проведения доследственных проверок, не предусматривалось, равно как и учинение подписи в актах полицейского дознания лицом, сообщавшим сведения. Ход и результаты полицейского дознания оформлялись в виде общего акта (протокола), с точным указанием источника сведений, из которых они были получены [18, с. 597–598]. Как видится, такая предложенная Уставом надлежащая процессуальная форма проведения проверки информации о преступлении была эффективной и согласовывалась с принципом процессуальной экономии.

Как указывалось выше, запрет на производство безосновательного предварительного следствия имелся и в ранее действовавшем Своде, где предписывалось не начинать следствия по извещениям и доносам неосновательным, а также по слухам, без достаточных улик (ст. 100 Свода). Однако в Своде определение оснований для на-

чала следствия было сведено лишь к их упоминанию в указанной статье. Это провоцировало игнорирование органами полиции, а затем и судебными следователями требований данной нормы, что влекло за собой начало предварительного следствия безосновательно. По этой причине перед разработчиками Устава впервые остро встал вопрос о необходимости правовой определенности оснований для начала предварительного следствия. В связи с этим в Уставе впервые употребляется термин «достаточное основание» (ст. 262), который должен был стать своего рода преградой для безосновательного возбуждения производств по уголовным делам. В то же время данный термин в законе оставался по-прежнему недостаточно определенным, что представляло трудности для правоприменителей. Толкование понятия «достаточное основание» представляется возможным установить лишь в более позднем по дате издания систематическом комментарии к Уставу, где оно определялось как «наличность в деле таких признаков, которые, по мнению следователя, с известной вероятностью свидетельствуют об учиненном преступлении» [18, с. 616].

Уставом не требовалось документального оформления решения о начале предварительного следствия, поэтому процессуалистами рассматриваемого исторического периода ставился вопрос об установлении момента окончания дознания и начале предварительного следствия, т. е. определении своего рода процессуальных и временных границ, где одна из форм предварительного расследования сменяет другую. Так, Н. В. Давыдов отмечал, что деятельность по производству дознания прекращалась при «приступе к предварительному следствию» [18, с. 603–604], т. е. проведение на месте происшествия судебным следователем первого следственного действия означало начало производства предварительного следствия.

Из сказанного следует, что Судебная реформа 1864 года оказала некоторое влияние на становление института возбуждения уголовного дела, что выразилось в новом порядке начала производства по уголовному делу, развитии системы поводов и более детальной регламентации оснований к «начатию» дела.

Третьим этапом в развитии начала досудебного производства выступает период Советской власти, который характеризовался активным нормотворчеством и множественностью органов, уполномоченных на возбуждение уголовных дел. Одним из первых законодательных актов рассматриваемого периода, установивших новые подходы в уголовном процессе, стал Декрет СНК РСФСР от 22 ноября 1917 г. «О суде» [7, ст. 50], в соответствии с которым ранее установленные формы и методы начала досудебного производства должны были прекратить свое действие.

Интересной с научной точки зрения следует признать принятую 19 декабря 1917 г. НКЮ РСФСР Инструкцию о революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению... [9, ст. 170], нормами которой реставрировались поводы к возбуждению уголовного дела. Таковыми выступали «сообщения судебных или административных мест, общественных организаций или частных лиц, а также сообщения должностных лиц» [8, ст. 156]. Основания к возбуждению уголовного дела и

доследственная проверка в современном ее понимании законодательно не предусматривалась. В соответствии с пунктом «ж» Инструкции наличие или отсутствие «состава преступления» следственными комиссиями устанавливалось по возбужденному уголовному делу в ограниченный законодательными рамками 48-часовой срок. По результатам рассмотрения сообщений о преступлениях принималось одно из трех предусмотренных Инструкцией решений: «о прекращении дела, если не найден состава преступления, о направлении по подсудности или о назначении к слушанию в заседании Революционного Трибунала» [10, с. 181–183]. В качестве процессуальных средств для установления обстоятельств преступления выступало «право требовать от всех ведомств и должностных лиц... необходимых сведений и документов...» [9, с. 180]. На основании изложенного не представляется возможным согласиться с утверждением Н. В. Жогина о том, что «... институт возбуждения уголовного дела к началу 1918 года в основном сложился» [5, с. 10], так как на данном этапе фактически отсутствовали критерии, определяющие в современном понимании указанный институт как самостоятельный. Так, на законодательном уровне не были регламентированы основания к возбуждению уголовного дела, равно как и деятельность по установлению этих оснований. Многие аспекты, касающиеся начала производства по делу, оставались за рамками законодательного регулирования. К их числу можно отнести отсутствие единой процессуальной формы акта возбуждения уголовного дела или отказа в нем и неурегулированная законом деятельность по приему заявлений и сообщений о преступлениях.

Важным событием на данном этапе стало принятие 25 мая 1922 г. первого уголовно-процессуального кодекса РСФСР [13, ст. 230], а также введение в действие с 15 апреля 1923 г. первого белорусского УПК в последующей редакции 1927 года (далее – УПК 1927 г.). Поводы, основания, порядок возбуждения уголовного дела и уполномоченные на это органы перечислены в главе 7 указанного Кодекса, которая получила соответствующее название «Возбуждение производства по уголовному делу». В соответствии со ст. 91 УПК 1927 г. поводами для возбуждения уголовного дела выступали: «заявления граждан и различных объединений и организаций; сообщения правительственных учреждений и должностных лиц; явка с повинной; предложение прокурора; непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда». Отличительной особенностью данного перечня следует признать то, что он не являлся исчерпывающим ввиду имевшейся возможности следователя, суда и органа дознания возбудить уголовное дело по непосредственному усмотрению.

УПК БССР 1927 г., в отличие от указанных выше источников уголовно-процессуального права, закреплял основание к возбуждению уголовного дела: «наличие в заявлении указаний на состав преступления» (ст. 96), но, как указывал М. А. Чельцов-Бебутов, его определение имело «недостаточно отчетливое изложение и вело к трудностям в правоприменительной практике». Так, отмечал он, «несмотря на то что в заявлении говорилось о преступлении и даже имелась ссылка на соответствующие статьи

Уголовного кодекса, в некоторых случаях необходимый юридический анализ показывал следователю, что в деяниях, на которые жаловались, состав преступления отсутствовал» [16, с. 220].

Проведение предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях законом не требовалось, за исключением анонимных заявлений, которые могли быть использованы в качестве повода для возбуждения уголовного дела только после их предварительной проверки негласным путем (ст. 93). В остальных случаях субъекты, уполномоченные на возбуждение уголовных дел, – прокурор, следователь, орган дознания, суд непосредственно после поступления (принятия) заявления и наличия в нем «указаний на состав преступления» приступали соответственно к производству дознания и предварительного следствия (ст. 96).

Вынесение мотивированного процессуального решения о начале производства по уголовному делу законом не предусматривалось. Представленная законодателем формулировка, позволявшая возбуждать уголовные дела по «непосредственному усмотрению органов дознания, следователя или суда», и отсутствие необходимости мотивирования принимаемых решений в условиях, когда правящая власть вела борьбу с «контрреволюцией», зачастую трактовалась не в пользу лиц, стоявших в оппозиционном движении. По указанным обстоятельствам заместителем прокурора СССР А. Я. Вышинским на Первом всесоюзном совещании работников юстиции в 1934 году была высказана мысль о необходимости оформления начала расследования специальным процессуальным актом. Далее циркуляром Прокурора СССР от 26 февраля 1937 г. № 10/1 была установлена типовая форма постановления о возбуждении уголовного дела [4, с. 206]. В связи с этим правильным будет согласиться с высказыванием Б. Я. Гаврилова о том, что указанная норма вводилась «для ограничения политических репрессий» [3, с. 7–10].

Принципиальное значение в нормативном закреплении института возбуждения уголовного дела сыграло принятие уголовно-процессуального кодекса БССР от 29 декабря 1960 г. (далее – УПК 1960 г.). В главе 9 «Возбуждение уголовного дела» процедура возбуждения уголовного дела была выведена в обособленный этап. Нормами УПК 1960 г. устанавливались поводы и основания (ст. 105), а также процессуальный порядок возбуждения уголовного дела, предусматривающий предварительную проверку заявлений и сообщений о преступлениях в срок до трех суток, а в исключительных случаях – не более десяти (ст. 108). В качестве процессуальных средств по проведению доследственной проверки предусматривалось «истребование необходимых материалов и получение объяснений, однако без производства следственных действий» [14, ст. 108]. В 1963 г. до возбуждения уголовного дела допускается производство осмотра места происшествия (ст. 177) и в 1997 г. – производство экспертизы (ст. 188), что определило тенденцию развития стадии возбуждения уголовного дела в направлении расширения объема проверочных действий.

Таким образом, в рассматриваемый исторический период произошло правовое закрепление возбуждения

уголовного дела как самостоятельного этапа уголовного производства (стадии).

С принятием УПК Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК), вобравшего в себя нормы о порядке возбуждения уголовного дела из Модельного УПК для государств – участников СНГ, принятого в 1996 году Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, определяется новый этап в развитии процессуального порядка возбуждения уголовного дела. В настоящее время до возбуждения уголовного дела могут быть получены образцы для сравнительного исследования, произведены осмотр места происшествия, трупа, местности, предметов, документов, освидетельствование, экспертизы, задержание и личный обыск при задержании, а также может быть проведено извлечение трупа из места захоронения (эксгумация) (ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь). В действующем УПК стадия возбуждения уголовного дела регламентируется уже двумя главами – гл. 20 «Поводы и основания к возбуждению уголовного дела» и гл. 21 «Порядок возбуждения уголовного дела», (ст. 166–179 УПК), а также ст. 17, ч. 5 ст. 26, ст. 27, 29, 468² УПК, в то время как по УПК 1960 г. ее регламентация осуществлялась только гл. 9 (ст. 105–114 УПК). Срок проведения проверки заявлений и

сообщений о преступлениях может достигать трех месяцев (ст. 173 УПК), превышая установленный двухмесячный срок предварительного следствия. Таким образом, на данном историческом этапе четко прослеживается дальнейшее развитие стадии возбуждения уголовного дела в основном путем расширения ее временных границ и объема проверочных действий.

Заключение

Исторический анализ источников уголовно-процессуального права позволяет проследить возникновение, зарождение и развитие института возбуждения уголовного дела в Беларуси и установить преемственность входящих в его содержание норм с 1529 года до настоящего времени. В связи с этим в истории нормативного регулирования института возбуждения уголовного дела в Беларуси представляется возможным выделить четыре этапа: 1) с 1529 по 1832 год; 2) с 1832 по 1917 год; 3) с 1917 по 1999 год; 4) с 1999 по настоящее время, а его становление следует соотносить с моментом принятия Статутов Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов, которые содержат ряд положений относительно начала уголовного процесса.

Список использованных источников

1. Артёмова, В. В. Возбуждение уголовного дела как уголовно-процессуальный институт : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. В. Артёмова ; М., 2006. – 236 с.
2. Акперов, Р. С. Возбуждение уголовного дела в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р. С. Акперов ; М., 2010. – 217 с.
3. Гаврилов, Б. Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела / Б. Я. Гаврилов // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 2.
4. Данилевич, А. Место стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного процесса Республики Беларусь / А. Данилевич, В. Самарин // Законность и правопорядок. – 2013. – № 3. – С. 24–29.
5. Жогин, Н. В. Возбуждение уголовного дела / Н. В. Жогин. – М. : Госюриздат, 1961. – 206 с.
6. Свод законов уголовных. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. его имп. в. канцелярии, 1833. [Кн. 1–2]. – 457 с.
7. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. – М. : Юрид. Книгоизд-во, 1917–1924. – № 4.
8. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. – М. : Юрид. Книгоизд-во, 1917–1924. – № 10.
9. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. – М. : Юрид. Книгоизд-во, 1917–1924. – № 12.
10. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942.
11. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Акад. наук Беларус. ССР, Отдел правовых наук ; под ред. К. И. Яблонска ; подгот. П. Ф. Крапивкин ; пер.: К. И. Яблонскис [и др.]. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 253 с.
12. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСэ, 1989. – 573 с.
13. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 20-21.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : [принят четвертой сессией Верховного Совета БССР пятого созыва 29 декабря 1960 г.] : официальные тексты с изм. на 1 авг. 1977 г. – Минск : Беларусь, 1977. – 318 с.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г., № 259-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 5 янв. 2016 г. : вступил в силу 27 февр., 4 апр. 2016 г.]. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 343 с.
16. Чельцов-Бебутов, М. А. Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов-Бебутов. – Изд. 2-е, перераб. – М. : Госюриздат, 1951. – 512 с.
17. Швед, А. И. Актуальные теоретические и практические аспекты стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. И. Швед. – Минск, 2005. – 143 с.
18. Устав уголовного судопроизводства / При участии сенаторов А. Ф. Кони, В. К. Случевского, Н. С. Таганцева [и др.] ; под общ. ред. проф. М. Н. Гернета. – М. : М.М. Зив, 1914. – Ст. 249–594. – 1914. – [2], IV, 583–944.

06.07.2017